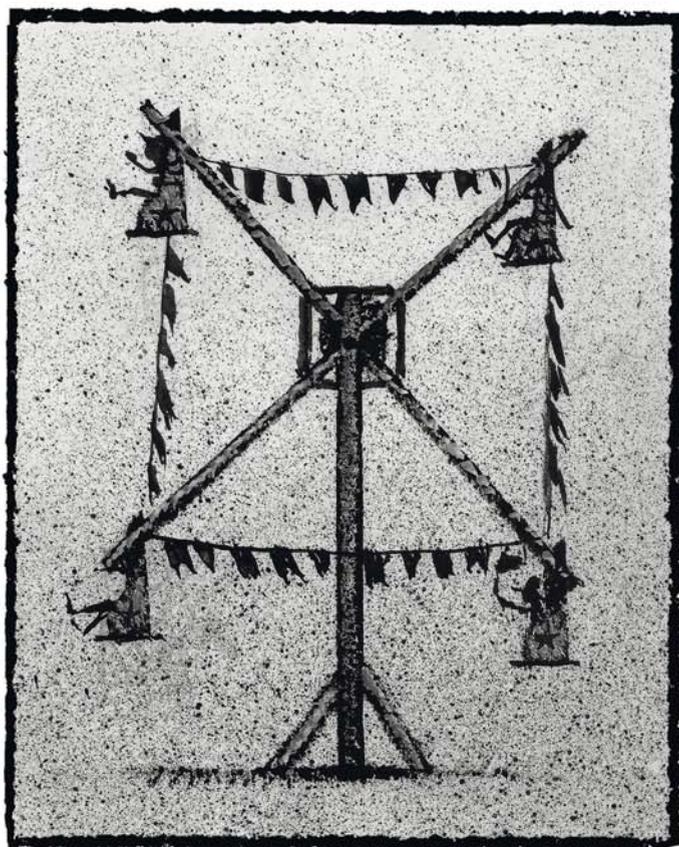

ГЛАВА 31

*После
пяти месяцев
забав и безделья
Пиноккио,
к великому удивлению,
чувствует,
что...*

Наконец экипаж приехал, и приехал он без малейшего шума, потому что колёса его были обёрнуты паклей и тряпками.

В экипаж были впряжены ослята — двенадцать пар осликов одного роста, но разной масти. Одни из них были серые, другие белые, белые с чёрным крапом и, наконец, пегие, с полосами жёлтыми и синими. Но удивительнее всего было то, что все эти двадцать четыре ослика не были подкованы, как другие вьючные животные, а ноги их были обуты в белые кожаные сапожки.

А кто же кучер?

Представьте себе человечка, который в ширину больше, чем в вышину, мягкого и жирного, как шарик из коровьего масла, с личиком, как красное яблочко, с ротиком, вечно смеющимся, с голоском тоненьким и ласковым, как голос кошки, которая ластится к хозяйке.

Все дети приходили в восторг при взгляде на этого кучера и бросались с бою занимать места в его экипаже, чтобы ехать в чудесную страну, известную на географической карте под названием «Страна игр».

Действительно, экипаж был весь переполнен мальчиками от восьми до двенадцати лет, которые сидели в нём один на другом, как сельди в бочке. Им было неудобно, тесно, нельзя было даже свободно дышать, но никто из них не жаловался. Мысль о том, что через несколько часов они придут в страну, где нет ни книг, ни школ, ни учителей, придавала им столько радости и терпения, что они не чувствовали ни тесноты, ни утомления, ни голода, ни жажды, ни желания заснуть.

Когда экипаж остановился, человек, сидевший на козлах, обратился к Фитилю и, сопровождая свою речь разными ужимками и гримасами, спросил его с улыбкой:

— Скажи, милый мальчик, и ты хочешь поехать в счастливую страну?

— Конечно, хочу.

— Но предупреждаю тебя, милашка, что в моём экипаже нет больше места. Как видишь, он уже переполнен!

— Что делать, — возразил Фитиль, — если нет места внутри экипажа, то я ухитрюсь посидеть на дышле. — И, прыгнув, он сел верхом на дышло.

— А ты, голубчик, — сказал человек, обращаясь любезно к Пиноккио, — что думаешь делать? Ты останешься или желаешь ехать с нами?

— Я остаюсь, — ответил Пиноккио. — Я хочу вернуться домой, хочу учиться и заслужить похвалу в школе, как это делают хорошие мальчики.

— В добрый час!

— Пиноккио, — сказал Фитиль, — послушай меня: поедem с нами, нам будет весело!

— Нет, нет!

— Поедем с нами, повеселимся! — закричало ему несколько голосов.

— Поезжай с нами, нам будет весело! — закричали все сто мальчиков.

— А если я поеду с вами, что скажет моя добрая Фея? — сказал деревянный мальчик, начинавший уже склоняться к поездке.

— Брось ты, пожалуйста, свои грустные мысли!

— Подумай только, мы едем в страну, где нам можно будет безнаказанно бездельничать с утра до вечера!

Пиноккио не ответил, но вздохнул, потом он опять вздохнул, затем ещё и наконец сказал:

— Дайте мне место, поеду и я!..

— Места-то все заняты, — возразил человечек, — но чтобы угодить тебе, я пушу тебя на козлы.

— А вы сами как же?

— Я могу идти пешком.

— Нет, я этого не допущу. Я лучше согласен сесть верхом на одного из этих осликов! — воскликнул Пиноккио.

Сказано — сделано. Пиноккио подошёл к ослику с правой стороны в первой паре, с намерением вскочить ему на спину, но осёл толкнул его мордой в грудь, и деревянный мальчик полетел на землю вверх тормашками.

Вообразите, каким смехом разразилась вся компания мальчуганов! Но кучер не смеялся. Он подошёл, в свою очередь, к сердитому ослу и откусил ему половину правого уха.

В то же время Пиноккио, с бешенством вскочив на ноги, прыгнул сразу на спину бедного животного. Скачок этот был так удачен, что мальчуганы, перестав смеяться, заорали в один голос: «Браво, Пиноккио!» — и принялись хлопать в ладоши.

Но ослу не понравилось такое торжество Пиноккио, он брыкнул, и наш деревянный мальчик покатился на середину дороги, прямо на кучу щебня.

Мальчики снова захохотали, а кучер опять остался серьёзным. Он вторично подошёл к беспокойному ослу и откусил у него половину левого уха.

Затем он сказал деревянному мальчику:

— Теперь можешь сесть верхом. Не бойся, этот осёл капризничал, но я ему сказал два слова на ушко, и надеюсь, что теперь он будет благоразумен.

Пиноккио сел верхом на осла, и экипаж тронулся. В пути, когда экипаж катился по главной дороге, нашему деревянному мальчику показалось, что чей-то сдержанный и едва внятный голос говорил ему:

— Бедный дурачок! Ты опять захотел сделать по-своему, но ты будешь раскаиваться!

Испуганный Пиноккио посмотрел во все стороны, чтобы узнать, кто мог сказать эти слова, но ничего и никого не увидел. Ослы бежали, экипаж катился по камням, мальчики внутри экипажа спали, а Фитиль храпел, как сонливая белка.

Человечек, сидя на козлах, напевал:

*Все люди
спят спокойно
по ночам,
Моим
лишь никогда
нет сна очам...*

Проехав ещё с полверсты, Пиноккио опять услышал тот же голос, говоривший:

— Помни! Дети, бросающие учение и школу, учителей и книги, чтобы предаться развлечениям, кончают очень плохо! Я это знаю по опыту! Настанет день, когда ты будешь плакать, как я теперь плачу... но будет поздно!..

Услыхав это, Пиноккио, испуганный донельзя, соскочил с осла и, подойдя к нему, взял его за мордочку. Каково же было его удивление, когда он заметил, что осёл плакал... и плакал, как мальчик!

— Эй, господин человек, — закричал Пиноккио хозяину экипажа, — знаете, какая новость? Этот ослёнок плачет!

— Пусть себе плачет, посмеётся потом!

— Разве вы его научили говорить?

— Нет, он сам выучился бормотать несколько слов, когда он бродил в течение трёх лет с дрессированными собаками.

— Бедное животное!

— Ну же, не будем терять времени из-за слёз осла. Садись-ка на него верхом — и поедem дальше. Ночь холодная, а путь не близкий.

Пиноккио не возражал. Экипаж опять покатился, и на рассвете путешественники благополучно приехали в Страну игр.

Эта страна не походила ни на какую другую на свете. Население её состояло только из мальчиков. Старшим было четырнадцать лет, а самым младшим — восемь.

На улицах и площадях в Стране игр царило веселье: шум, крик, гам невообразимый! Всюду компании мальчуганов. Кто играл в орешки, кто в метание кружков, кто в мяч, кто ездил на велосипеде, кто на деревянной лошадке. Одни играли в жмурки, другие ловили друг друга, некоторые были одеты паяцами и глотали горящую паклю; кто пел, кто говорил стихи наизусть, кто кувыркался, кто ходил на руках, поднимая ноги кверху; кто играл в серсо, кто прогуливался в генеральской одежде, с бумажной каской и деревянной шпагой; кто смеялся, кто кричал, кто хлопал руками, кто свистел, кто подражал петуху или курице; одним словом — стоял такой сумбур, такой гам и беспорядок, что хоть затыкай уши и беги вон.

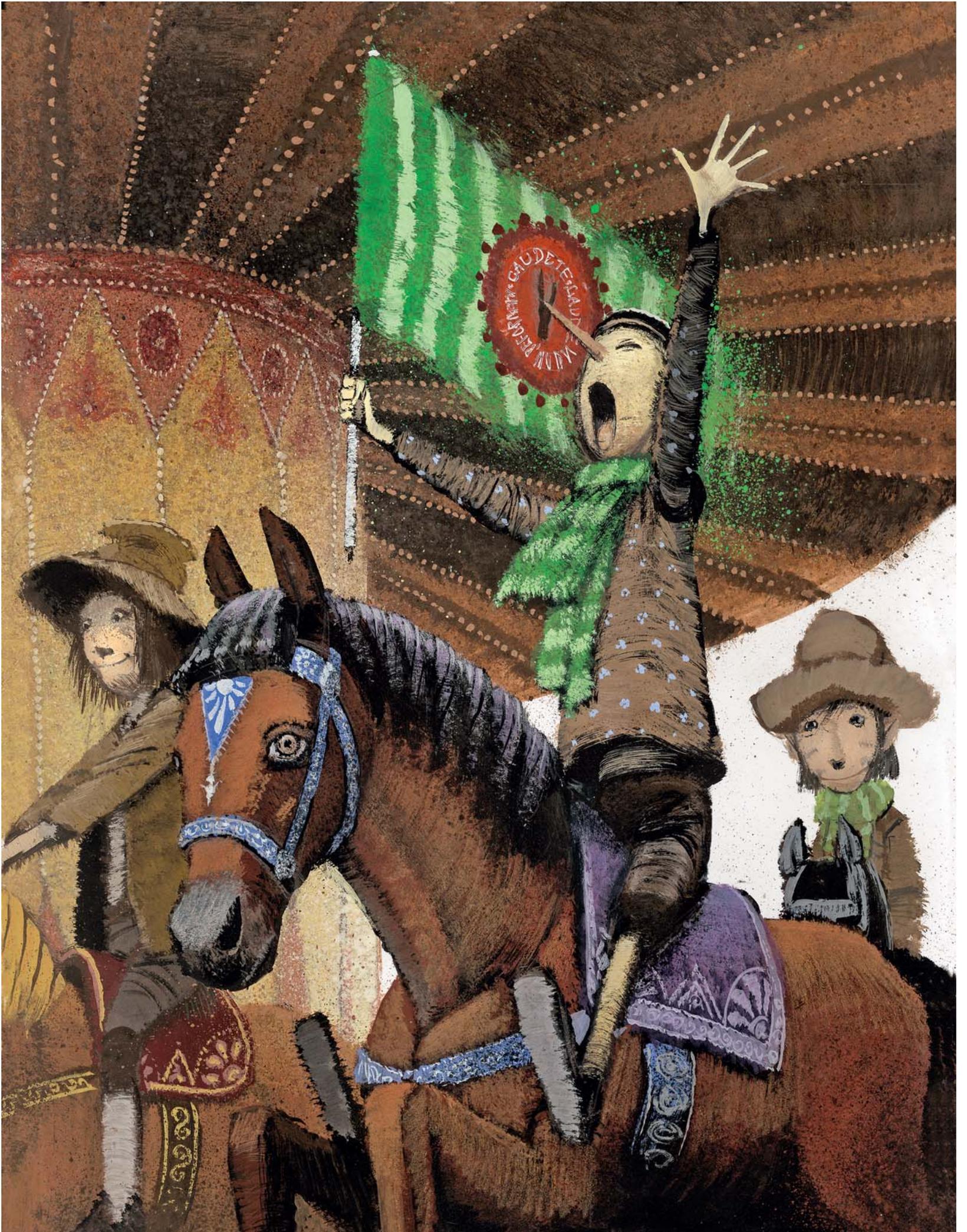
На всех площадях видны были балаганы, наполненные мальчиками с утра до вечера, а на всех стенах читались надписи — прекрасные надписи, писанные углём, как, например: «Да здрасуют икры!» (вместо: да здравствуют игры), или: «Не ходим больше штоль!» (вместо: не хотим больше школы), или: «Далой Арих Метикку!» (вместо: долой арифметику) и другие чудные произведения грамотности.

Пиноккио, Фитиль и все остальные мальчуганы, совершившие путешествие с человечком, едва въехали в город, как тотчас же влились в эту беспокойную толпу. Как легко себе представить, в самое короткое время они подружились со всеми жителями этого города. И кто мог быть счастливее их всех?!

Среди постоянных прогулок, всевозможных развлечений и бездельничанья часы, дни, недели проходили с быстротою молнии.

— Что за счастье! — говорил Пиноккио всякий раз, когда встречался с Фитилём.

— Теперь ты веришь, что я был прав? — отвечал Фитиль. — А ты не хотел ехать с нами! Подумать только, что ты вбил было себе в голову вернуться домой к своей Фее, чтобы тратить время на учение! Если ты освободился от скучных книг и школы, то этим ты обязан только мне, моим советам, моим стараниям — сознаешь ты это? Только верные друзья могут оказать такие услуги.

— Это правда, Фитиль! Только благодаря тебе я так доволен теперь. А знаешь, что мне постоянно говорил наш учитель о тебе? Он говорил: «Не дружись с Фитилём! Фитиль — плохой товарищ, он научит тебя только дурному!..»

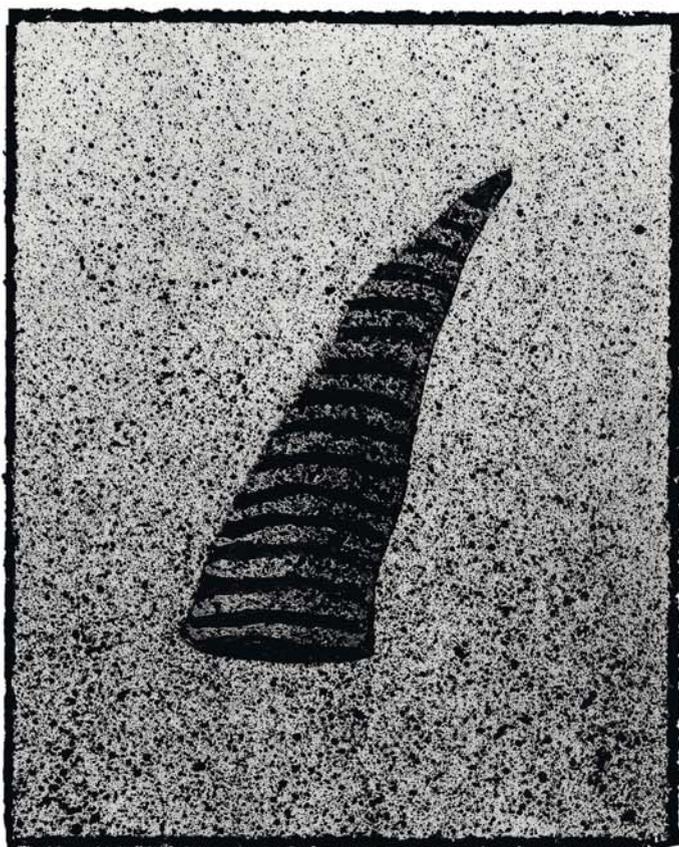
— Бедный учитель! — покачал головой Фитиль. — Я знаю, что он меня не любил и всегда клеветал на меня, но я добр и прощаю ему эту вину.

— Какая у тебя благородная душа! — сказал Пиноккио, обнимая своего друга и целуя его в переносицу.

Между тем прошло уже пять месяцев, как наши сорванцы бездельничали, проводя целые дни в играх и развлечениях и не видя ни школы, ни книги.

Как-то утром, проснувшись, Пиноккио был весьма неприятно поражён случившимся с ним, и это заставило его потерять весёлое расположение духа.

ГЛАВА 32

*У Пиноккио
вырастают ослиные уши,
а потом он превращается
в настоящего осла
и кричит
по-ослиному.*

Что же с ним случилось? Я вам это скажу, мои милые маленькие читатели. Случилось с ним вот что: когда Пиноккио проснулся, то прежде всего почесал голову и тут-то заметил... Отгадайте-ка, что такое он заметил? Он заметил, к величайшему удивлению, что уши у него выросли на целую ладонь.

Вы знаете, что у деревянного мальчика от рождения уши были маленькие-маленькие, такие маленькие, что простым глазом еле можно было заметить их. Представьте себе его удивление, когда он увидел, что в одну ночь уши его стали длинными, как две щётки. Он тотчас стал искать зеркало, но, не находя его, налил в умывальный тазик воды и, посмотрев в неё, увидел то, чего никогда не желал бы видеть, увидел на своей голове новое украшение — прелестную пару ослиных ушей.

Предоставляю вам судить об огорчении, о стыде и отчаянии бедного Пиноккио!

Он стал плакать, кричать, биться головою об стену, но чем сильнее он выходил из себя, тем больше росли его уши. Они росли, росли и покрывались шерстью по краям.

На его крик и стоны явился хорошенький сурок, живший в верхнем этаже. Видя отчаяние деревянного мальчика, он с участием спросил его:

— Что с тобою, милый сосед?

— Я болен, я очень болен, милый сурок мой... Я болен болезнью, которая меня очень пугает. Ты знаешь толк в медицине, можешь пощупать мой пульс?

— Немного смыслю.

— Так посмотри, нет ли у меня лихорадки?

Сурок поднял переднюю лапку и, проверив у Пиноккио пульс, сказал, вздыхая:

— Друг мой, мне очень жаль сообщить тебе худую новость...

— А что такое?

— У тебя скверная лихорадка!

— Какая же?

— Ослиная.

— Я не понимаю, что это за лихорадка, — возразил Пиноккио, в сущности, прекрасно понимавший, в чём дело.

— Так я тебе это объясню, — ответил сурок. — Знай же, что через два или три часа ты не будешь ни деревянным, ни настоящим мальчиком...

— Кем же я буду?

— Ты будешь осликом, настоящим осликом — одним из тех, которые возят тележки с капустой и салатом на рынок.

— Ах, я несчастный! Горе мне, горе! — закричал Пиноккио, хватаясь за уши и неистово дёргая их, как будто это были не его уши, а чужие.

— Милый друг, — сказал сурок, чтобы его успокоить, — ничего не поделаешь, это твоя судьба, все своевольные дети, которым надоели книги, школы и учителя и которые проводят дни в забавах и безделье, должны рано или поздно превратиться в ослов.

— Неужели это правда? — спросил деревянный мальчик, рыдая.

— К несчастью, да. Теперь твои слёзы ничему не помогут, надо было раньше об этом подумать.

— Я не виноват, поверь мне, сурочек, — лепетал Пиноккио, — во всём виноват Фитиль.

— А кто такой этот Фитиль?

— Это мой товарищ по школе. Я хотел вернуться домой, хотел быть послушным, хотел учиться и заслужить похвалу... А Фитиль

сказал мне: «К чему тебе ходить в школу? Что за охота тебе учиться?.. Пойдём лучше со мною в Страну игр: там нас никто не заставит учиться, там мы будем играть с утра до вечера, и нам будет очень весело».

— Почему же ты послушался совета неверного друга, плохого товарища?

— Почему?.. Да потому, сурочек, что я неблагоприятный... и бессердечный. Ох, если бы у меня был хотя бы кусочек сердца, я бы никогда не покинул доброй моей Феи, которая любила меня, как мать, и столько для меня сделала. И сейчас я уж не был бы деревянным, а был бы настоящим мальчиком, каких везде много. Но если я теперь встречу Фитиля, то пусть не взыщет: не поздоровится ему от меня!

Тут Пиноккио хотел уйти. Но не дошёл ещё до дверей, как вспомнил об ослиных ушах. Что же он придумал? Стыдясь показаться с таким украшением на люди, он взял большой бумажный колпак и, надвинув его на голову, спрятал уши и лицо до кончика носа. Затем он вышел и стал искать Фитиля. Он его искал по улицам, на площадях, в театрах, во всех местах, но нигде Фитиля не было. Он спрашивал у всех, встречавшихся ему по дороге, никто его не видел и ничего о нём сказать не мог. Тогда Пиноккио отправился поискать его дома. Подойдя к двери, он постучался.

— Кто там? — спросил изнутри Фитиль.

— Это я, — ответил деревянный мальчик.

— Подожди чуточку, я тебе отопру.

Через полчаса дверь отворилась, но каково же было удивление Пиноккио, когда он, войдя в комнату, увидел, что и Фитиль был в большом бумажном колпаке, доходившем ему до носа.

При виде этого колпака Пиноккио почувствовал, что у него как-то легче стало на душе, и тотчас же подумал:

«Уж не та же ли у приятеля болезнь, что и у меня? Не болен ли он ослиной лихорадкой?»

Делая вид, что ничего не заметил, он спросил, улыбаясь:

— Как поживаешь, дорогой мой Фитиль?

— Прекрасно, как мышь среди сыра.

— Ты это серьёзно говоришь?

— К чему мне лгать или шутить?

— Извини, пожалуйста. В таком случае скажи мне, к чему ты надел колпак и прячешь в нём свою голову и лицо?

— Доктор прописал мне это, потому что я ушиб колено. А ты, милый Пиноккио, зачем ты надел колпак, который доходит тебе до кончика носа?

— Мне тоже доктор прописал, так как я ободрал себе ногу.

— Бедный Пиноккио!..

— Бедный Фитиль!..

После этих соболезнований наступило продолжительное молчание, в течение которого приятели язвительно поглядывали друг на друга.

Наконец деревянный мальчик тоненьким и вкрадчивым голоском сказал товарищу:

— Прости моё любопытство, дорогой Фитиль, и скажи, не страдал ли ты когда-нибудь ушной болезнью?

— Никогда!.. А ты?

— Также никогда! Однако сегодня с утра у меня что-то стало побаливать одно ухо.

— Представь, и у меня тоже.

— И у тебя?.. А какое ухо болит у тебя?

— Оба. А у тебя?

— Также оба. Уж не одна ли и та же болезнь у нас?

— Боюсь, что болезнь у нас одинаковая.

— Хочешь доставить мне удовольствие?

— Охотно, от души!

— Покажи мне свои уши.

— Почему же нет? Но я прежде желал бы посмотреть на твои, милый Пиноккио.

— Нет, прежде ты покажи мне свои.

— Нет, дружок, прежде ты, потом я!

— Вот что, — сказал деревянный мальчик, — сделаем по-приятельски.

— Как же это сделать по-приятельски?

— Снимем наши колпаки одновременно. Согласен?

— Согласен.

— Так слушай команду! — И Пиноккио громко сосчитал: — Раз! Два! Три!

На счет «три» оба мальчугана сразу сняли свои колпаки и бросили их. Тут-то произошла сцена, которая могла бы показаться невероятной, если бы её не было в действительности. А случилось то, что Пиноккио и Фитиль, увидев себя одинаково награждёнными, вместо того чтобы печалиться и жаловаться, стали потешаться над необыкновенно выросшими ушами и разразились громким смехом. Они до того смеялись, что еле держались на ногах, но вдруг Фитиль умолк, зашатался, изменился в лице и проговорил:

— Помоги, помоги мне, Пиноккио!

— Что с тобою?

— Я не могу держаться на ногах.

— Да и я тоже едва держусь на своих! — воскликнул Пиноккио, плача и шатаясь.

И в то же время оба стали на четвереньки и начали бегать по комнате на ногах и на руках. Во время этого бега их руки превратились в ноги, лица удлинлись и преобразовались в морды, а спины покрылись серыми волосами с чёрными полосами.

Но знаете, когда наступило самое тяжёлое испытание для этих несчастных? Самый тяжёлый и самый унижительный миг для них настал тогда, когда они почувствовали, как у них вырастает хвост. Тогда они попробовали плакать и жаловаться на судьбу, убитые горем и стыдом. Но лучше бы они уж и не пробовали жаловаться. Вместо стонов и жалоб они издавали ослиные крики, они выкрикивали только: «Ио, ио, ио!»

В то же время послышался стук у дверей, и чей-то голос говорил:

— Отворите! Я тот самый человечек, который вёз вас в эту страну. Отворите тотчас же, не то берегитесь!